

На правах рукописи

Касьян Алексей Сергеевич

Памятники хеттского языка:
орфография, фонетика, лексика, текстология

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2008

Работа выполнена в Центре компаративистики Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель: д. филол. н., проф., чл.-корр. РАН,
действ. чл. РАЕН Дыбо Владимир Антонович

Официальные оппоненты:

д. филол. н. Шеворошкин Виталий Викторович

к. филол. н. Шацков Андрей Владимирович

Ведущая организация: Институт языкознания РАН

Защита состоится 19 ноября 2008 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета Д 212.198.08 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д.6

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д.6

Автореферат разослан 14 октября 2008 г.

Ученый секретарь совета

Е.Е. Арманд

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа посвящена исследованию ряда актуальных проблем анатолийского языкознания, касающихся орфографии, фонетики, лексикологии и текстологии хеттского языка.

0.1. Общие достижения.

В работе впервые устанавливается строгая зависимость написаний *plene* от индоевропейского ударения, формулируется правило орфографического распределения знаков *IŠ* и *EŠ*, объясняются принципы графического варьирования при передаче анлаутных консонантных кластеров, дается сплошной анализ распределения знаков *U* и *Ú* в связи с предполагаемым фонологическим противопоставлением /o/~/u/.

Впервые публикуется тезаурус глагольных форм и их дериватов по древнехеттскому корпусу. Текстологическим и этимологическим анализом устанавливается значение двух темных лексем (*atteš* и *hantezzi*).

Дается научная комментированная публикация среднехеттского магических ритуалов и вводятся в научный оборот впервые публикуемые хеттские фрагменты из собрания Государственного Эрмитажа.

0.2. Материал исследования. Настоящая работа построена на анализе сплошной росписи всего опубликованного древнехеттского корпуса, почти всего среднехеттского корпуса и широкой выборки из новохеттского корпуса.

По «средней хронологии» (общепринятой в настоящее время; см. Вгусе 1998) древнехеттский период охватывает 1650—1500 гг. до н.э. (цари Хаттусилис I — Телибину), среднехеттский — 1550—1350 гг.

до н.э. (цари Аллувамна — Тутхалия III), новохеттский — 1350—1200 гг. до н.э. (цари Суппилулиума I — Суппилулиума II).

Множество факторов указывает на то, что после Суппилулиумы I (т.е. в н.-хет. период) хеттский язык вымер. Языком общения стал лувийский, а хеттский получил статус официального письменного языка (в основном используемого в документах царского архива); о социолингвистической ситуации новохеттского времени см. Yakubovich 2008. По этой причине памятники новохеттского периода (особенно тексты, составленные в новохеттскую эпоху, а не переписанные с более древнего протографа) учитывались выборочно. Скажем, для анализа акцентной системы NS тексты признаются нерелевантными, но при широком статистическом исследовании орфографических правил, связанных со знаками для /u/, новохеттские тексты используются на равных правах с древне- и среднехеттскими памятниками.

Для периодизации табличек принимаются палеографические датировки т. н. Марбургской школы — Э. Ной, Х. Оттен, Ф. Штарке, Й. Клиндер; см. Kořak Konkordanz.

0.3. Предметом исследования являются наиболее существенные для нынешнего состояния науки вопросы хеттской графики, фонетики, морфологии, а также текстологии.

Хеттский язык, входящий в анатолийскую языковую группу, является древнейшим засвидетельствованным индоевропейским языком. Наряду с хеттским к древнейшему периоду архивов столицы хеттского государства Хаттусаса (с XVII в. до н. э.) относятся и некоторые другие анатолийские идиомы: палайский и лувийский, однако их данные достаточно скудны и двусмысленны. Следующая по древности фиксации индоевропейская группа — это греческие диалекты,

но надежно дешифрованное крито-микенское линейное письмо В на несколько веков младше древнехеттских табличек, кроме того система линейного письма В на порядок хуже клинописи приспособлена для передачи индоевропейской фонетики и морфологии, да и корпус и жанровый состав памятников принципиально уступает анатолийским.

Всё это делает хеттский язык исключительно важным объектом исследований для индоевропеистов, историков и культурологов.

0.4. Цели и задачи исследования. Одна из первоочередных целей работы — попытка определения орфографического или же фонетического характера того или иного феномена хеттской графики. Как известно, хеттская система клинописи (являющаяся адаптированной системой старо-вавилонского курсива северо-сирийского типа) плохо приспособлена для передачи индоевропейской фонетики и морфологии, следовательно, фонетический анализ форм часто оборачивается нетривиальной задачей. Скажем, хеттские глаголы с назальным инфиксом *-nin-* теряют второе *-n-* перед сочетанием согласных: от корня *hark-* форма 3 pl. выглядит как *harnink-anzi*, но 3 sg. как *harnik-zi* вместо **harnink-zi*. Традиционно считается, что отсутствие второго *-n-* в инфиксе — орфографический феномен, и только недавно (Shatskov 2006) было показано, что мы имеем тут фонетическое падение *-n-* в консонантном кластере.

Вследствие уточнения чтений удастся также поставить вопрос об установлении значений ряда темных лексем, что приводит к увеличению корпуса этимологизируемых хеттских основ. Аналогичные вопросы ставятся при помощи текстологического анализа методом критики текста.

На основании такого целеполагания в диссертации удастся поставить и решить следующие конкретные задачи:

- 1) установить фонетическое значение *scriptio plena*;
- 2) выявить позиции дополнительного распределения знаков IŠ и EŠ;
- 3) показать фонетическое развитие начальных консонантных кластеров и определить орфографические приемы для их выражения;
- 4) определить функции и правила распределения знаков U и Ú;
- 5) составить полный словарь древнехеттских глагольных форм и их именных дериватов;
- 6) определить значение и этимологии ряда «темных» слов;
- 7) дать транслитерацию, перевод, комментарии и словарь двух среднехеттских ритуальных текстов;
- 8) дать автографии хеттских фрагментов из собрания Государственного Эрмитажа.

0.5. Актуальность работы. Актуальность проведенного исследования обусловлена исключительной важностью синхронных изысканий, формулируемых в виде задач по анализу графики, фонетики, морфологии и семантики текстов древнего языка; данные получаемых построений служат фундаментом и отправной точкой для большинства работ в области исторического анатолийского и индоевропейского языкознания.

0.6. Новизна работы состоит в том, что впервые ряд графических феноменов предлагается объяснять как результат действия *орфографических* правил. Напротив, для других эффектов графики доказываются их фонетическая сущность. Также впервые публикуется полный

словарь глагольных форм по древнехеттскому корпусу. Кроме того, в работе дается модельный разбор одного среднехеттского текста. Впервые публикуются автографии хеттских фрагментов из собрания Государственного Эрмитажа.

В отличие от большинства работ по анатолийскому языкознанию, в представленной диссертации хеттский материал строго структурирован по хронологическим периодам, а для датировки памятников используются жесткие палеографические критерии.

0.7. Методы исследования. В работе используется совокупность всех методов, применяемых современной компаративистикой. Филологический метод используется при анализе синхронных семантических и формальных характеристик форм. Он заключается в широком анализе контекстов, в которых релевантные формы употребляются, и элементах критики текста (для повреждённых памятников). Только к верифицированным таким образом данным может применяться сравнительно-исторический метод: внутренняя реконструкция и сравнение результатов внутренней реконструкции с другими и.-е. языками.

0.8. Практическая ценность. Данные проведённого исследования могут быть использованы (и используются автором) при составлении вузовских курсов по хеттскому и другим анатолийским языкам, а также по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков и типологии систем письма.

0.9. Апробация положений работы. Основные положения диссертации были изложены на 12-й ежегодной конференции UCLA Indo-European Conference (Washington: Institute for the Study of Man,

2001), конференции памяти С.А. Старостина «Актуальные вопросы сравнительно-исторического языкознания и дальнейшее родство языков» (Москва, РГГУ: март 2006) и на чтениях памяти И.М. Тронского (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН: июнь 1999, июнь 2000, июнь 2006).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из трех глав.

Первая глава в основном посвящена проблеме разграничения орфографического и фонетического аспектов хеттских текстов.

Как известно, клинопись была изобретена для передачи агглютинативного языка (шумерского или же эламского, что является вопросом дискуссии, см. Козлова 2008) и потом была заимствована семитами для аккадского языка. Адаптация клинописной системы письма к фонетике и морфологии различных языков и диалектов заняла не одну тысячу лет. Наибольшая адекватность в передаче звучащей речи была достигнута в ново-ассирийском и ново-вавилонском изводах (I-е тысячелетие до н.э.), хеттские же писцы не смогли в полной мере приспособить клинопись к индоевропейским языковым особенностям (в первую очередь это касается передачи гласных и передаче консонантных сочетаний). Таким образом «снятие графической оболочки», т.е. переход от графики к фонетико-фонологическому уровню должно было бы стать первоочередной задачей клинописного языкознания, без решения которой невозможно дальнейшее исследование языковых идиомов.

Тем удивительнее, что изучение графических феноменов сегодня оказывается чуть ли не на периферии исследовательской области. Если для аккадского это оказывается не столь критичным из-за легкой этимологизации и стандартизированного морфологического анализа

у большинства лексем, то в случае хеттского языка требование к пониманию орфографических норм является краеугольным.

Скажем, подавляющее большинство хеттологов априорно принимают тезис о фонологической оппозиции /e/~i/ в хеттском (наследующей индоевропейские вокалические оппозиции), которая вытекает из графического противопоставления знаков E и I серий. Однако на практике знаки E и I серий чрезвычайно часто оказываются взаимозаменяемыми, и совершенно не ясно, отражает ли этот факт чисто орфографические принципы, или же имеет и фонетическое наполнение. Более того, на наш взгляд, в пределах хеттского языкознания на этот вопрос и не может быть дано обоснованного ответа. Необходимо обращение к тем старо-вавилонским системам, преемником которых является древне-хеттская клинопись, однако и для аккадских периферийных писцовых школ вопрос о различении E и I серий оказывается *не исследованным*.

В главе разбираются следующие вопросы:

1. *Scriptio plena* (написание с удвоенным гласным). На полном материале древне- и среднехеттских именных основ, имеющих прямые индоевропейские параллели, показывается, что место хеттского *plene* прямо соответствует месту акцента в др.-греч., др.-инд., слав. и других и.-е. языках. Таким образом, *plene* необходимо считать отражением фонетической сущности, а именно: *plene* выписывается в старых ударных слогах.

Примеры:

ēšhar, gen. *išhanāš* n. ‘кровь’ : др.-инд. *ásr-j*, gen.-abl. *asnás*;

gēnu n. ‘колени’ : др.-греч. γόνυ, др.-инд. *jānu* (RV+) ‘id.’;

keššar, дат. *kiššarī/kišrī* ‘рука’ : др.-греч. χερί;

nēbiš ‘небо’ : др.-греч. νέφος, др.-инд. *nábhas*.

Всего в древне- и среднехеттском корпусе находится 14 релевантных лексем. Также разбирается ряд спорных случаев. Пример:

tuēkka- с., п. ‘тело, части тела, члены’: корневое сравнение с др.-инд. *tvák* ‘кожа’ бесспорно, но тип основы не совпадает, таким образом, совпадение акцентного оформления нерелевантно.

Если говорить о фонетической интерпретации *scriptio plena*, то предположение о том, что графическое удвоение гласного передает долготу (двуморовость), представляется значительно более вероятным, чем предположение о том, что при помощи *plene* маркируется синхронное ударение, — см. *plene* на месте вокалических стяжений в аккадских клинописных системах, а также подобное иконическое удвоение согласных для передачи консонантных геминат в хеттском.

2. Показывается орфографический запрет на употребление знака ЕЅ (⚡) в начале слова (т. е. после пробела). Т. е. невозможно написание типа *eš-ka*, а вместо него пишется *iš-ka* или (в случае *plene*) *e-eš-ka*. Это правило касается как хеттских, лувийских и палайских слов, так и шумерских и аккадских форм.

В древнехеттский период правило было регулярным, а в новохеттских текстах находится небольшое количество исключений.

Таким образом аннулируется основной пример на предполагаемую для хеттского языка редукцию /e/>/i/ в безударной позиции: ном. *e-eš-har* ~ ген. *iš-ha-na-a-aš*. Мы не можем утверждать, что в анлауте косвенной формы (*iš-ha-na-a-aš*) произносился именно [i], а не [e], т.к. написание *eš-ha-na-a-aš* невозможно орфографически.

3. Подробно разбирается вопрос о передаче начальных консонантных кластеров. Хорошо известно, что прямая передача началь-

ных консонантных сочетаниях в клинописи невозможна, таким образом хеттские писцы были вынуждены использовать в подобных случаях написания с дополнительным слогом.

Этимологическим методом показывается, что в хеттском словаре обнаруживаются основы с двумя типа индоевропейских начальных кластеров:

1) Корни на **#PR-*, **#TR-*, **#KR-*, **#sR-*, **#HR-*, т. е. с начальной комбинацией взрывной/фрикативный + сонант (напр., **treye-/*trī-* ‘3’; **ghrebh-* ‘хватать’; **sleyg-* ‘осквернять’; **Hley-* ‘склизкий и под.’). Мы выделяем по меньшей мере 12 таких лексем.

2) Корни на **#sP-*, **#sT-* **#sK-* или **#sH-*, т. е. с начальной комбинацией *s* + взрывной/ларингал (напр., **spē(y)-* ‘толстеть’). Мы выделяем по меньшей мере 9 таких лексем.

Корни первой группы записываются в клинописи как *#CV-CV°* (*teri-*, *ka-ru-*, *ša-a-ra-* и т. п.).

Корни второй группы — как *iš-CV°* (т. е. как *iš-ta-*, *iš-ka-*, *iš-pa-* и т. п.).

Далее доказывается, что кластеры в корнях первой группы в ходе исторического развития разбивались реальным анаптическим гласным, т. е. написания типа *teri-* ‘3’ являются фонетическими (/teri/), а не чисто орфографическими.

Кластеры второго типа (*s* + взрывной/ларингал), напротив, сохранялись, а их регулярная передача на письме как *iš-CV°* — вынужденный орфографический прием. Напр., *iškalla-* ‘разрезать, расщеплять’ : и.-е. **(s)kel-* ‘резать’.

В отдельных подразделах разбираются лексемы, где начальный консонантный кластер постулируется методом внутренней реконст-

рукции, и также те лексемы, чей надежный этимологический анализ невозможен.

Объясняется главное исключение из правила орфографической передачи начальных консонантных кластеров типа *iš-CV^o*: Глагол *šrant-* ‘жертвовать’, встречающийся как в записи *iš-ra-*, так и *ši-ra-* (продемонстрировано, что в древнейшем языке *iš-ra-*, и *ši-ra-* распределены по грамматическим формам слова. Иррегулярное *ši-ra-* встречается только в тех формах, которые могут быть спутаны с омографом *šrant-* ‘ночь’).

Раздел содержит подробные индоевропейские этимологии релевантных хеттских лексем и необходимую синхронную информацию об их орфографии, морфологии и семантике.

Примеры анализа:

kalanka- ‘успокаивать, удовлетворять’ (MS+) ¹, *kalaktar* ² (r/n) ‘soothing substance, balm’; пишется *ga-la-^o*, *ka-la-^o*, *kal-la-^o* — см. формы в HED, IV: 18 слл.

И.-е. **gleg’-* (WP, I: 661; Pok.: 401), **gleng’-* ³

Слав. **glěziti*: болг. *глѣзя* ‘ласкать, нежить; угождать’, аог. *glězix*, диал. *glěz’ъ* ‘баловать, потакать’, диал. *glізім* ⁴ ‘ласкать, нежить’; макед. *глези* ‘баловать; угождать’ (ЭССЯ, 6: 118). Все эти формы, по все видимости, могут быть возведены и к слав. **glěziti*. Слав. данные указывают на а.п. *a*, т.е. **glě”ziti* с продлением корневого гласного по закону Винтера.

¹ MS: напр., part. pl. nom. c. *ga-la-an-kán-te-eš* (КВо 15.10+ I 32, II 44).

² *kalaktar* < {galang} + {tar} с регулярным падением *-n-*. Вероятно, не из {galag} без назализации + {tar} (*pace* HED; о тройных кластерах с носовым в хеттском см. Shatskov 2006).

³ Ср. также и.-е. **glak-t-* ‘молоко’ (WP, I: 659)?

⁴ Диалектный вокализм не ясен.

Лит. *glèžti, glèžtù* (/ *glenžù*), *gležaũ* ‘weich, schlaff, hinfällig werden’, *glèžnas* (4) ‘zart, weich, schlaff, etc.’ (Fraenkel: 157; LKŽ, III: 418); лтш. *glèžns* ‘widerstandslos, empfindlich, etc.; zart, nett, zierlich, etc.’ (ME, I: 626).

Герм. прилагательное **klinkwa-*: Old Norse *kløkk* ‘weich, biegsam, nachgiebig’, совр. норв. *klæk, kløkk* ‘weich, schwach’; также голланд. *linker* ‘weich, zart, schwach’ и т. д. (FT, I: 541; WP, I: 661).

išpant- с. ‘ночь’ (OS+) ⁵.

Пишется *iš-pa-^o* (см. формы в HED, II: 431 слл.).

И.-е. **ksep-/*ksp-* ‘Dunkel’ (WP, I: 524—525; Pok.: 649).

Др.-инд. *ksáp* f. (RV) ‘Nacht’, *ksapā́* f. (RV+) ‘id.’ (BR, II: 530, 531). Авест. *xšap* f. (j.) ‘Nacht’, *xšapan/xšafn-* f., n. (j.) ‘id.’, *xšapar* n. (j.) ‘id.’ (Bartholomae: 548—549)⁶.

► Хет. формы, видимо, восходят к образованию на *-ant* от корня, как и положено, в нулевой ступени, т.е. **ksp-ant-* > /*spant-*/.

Возможная параллель наличествует в древнегреческом: ψέφας (Pi., Hsch.) ‘gloom, darkness’, ψέφος (Hsch.) ‘darkness’, ψεφηνός (Pi.) ‘dark, obscure’ (LS: 2021)⁷. Однако, если мы вслед за Покорным реконструируем и.-е. **k^vsep-*, др.-греч. φ вместо ожидаемого π остается без объяснений. Возможно здесь мы имеем контаминацию со схожим словом для ‘темноты’: δνόφος, γνόφος, ζόφος и т. д.

⁵ OS: dat.-loc. sg. *iš-pa-an-ti* (см. StBoT 26: 80), *iš-pa-an-di* (см. StBoT 18: 10—12, 139).

⁶ Авестийские формы не обязательно указывают на исходную гетероклитическую парадигму. Если действительно на определенном этапе развития индоевропейского праязыка первичные основы на *-r/-n-* характеризовали семантические поля частей тела и мер времени (см. Friedman 1999), то авест. лексемы могли получить суффиксы *-r/-n-* вторично — по аналогии.

⁷ Остальные (поздние) производные см. в Frisk, II: 1133.

4. Разбирается вопрос о предполагаемом противопоставлении /u/~o/ в хеттском языке. На обширном репрезентативном материале статистически показано, что нет оснований постулировать орфографическое отражение этой фонетико-фонологической оппозиции, т.е. нет оснований предполагать саму эту оппозицию.

Знаки U и Ú распределены позиционно-орфографически: формулируются различные графические позиции для этих знаков (в анлауте, после знака HU, перед знаком WA и т. п.).

Постулирование же фонетико-фонологической оппозиции /o/~u/ требует значительно большего числа допущений, чем традиционное описание без /o/.

Вторая глава посвящена проблемам лексикографии хеттского языка.

Нельзя сказать, что хеттская лексикография плохо разработана. После краткого по своему формату и на сегодняшний день ощутимо неполного словаря Й. Фридриха (HW) 1952 г. было открыто еще два синхронных лексикографических проекта.

1) Немецкий хеттолог А. Камменхубер вместе с командой своих учеников в 1975 г. выпустила первую тетрадь *Hethitisches Wörterbuch*, 2. Aufl. (HW²): с буквы А. Титульными авторами были заявлены Й. Фридрих и А. Камменхубер, т. к. последняя использовала в качестве базы картотеку Фридриха. Сейчас словарь дошел до буквы Н-, а рабочей группой после смерти Камменхубер руководит исследовательница И. Хоффманн.

2) В 1980 г. хеттологи Института востоковедения Чикагского университета Г. Гютербок и Г. Хоффнер начали свой словарь (CHD),

причем, чтобы не пересекаться с немецким проектом, с середины алфавита: с буквы *L*-. В настоящее время словарь дошел до начала *Š*-, а во главе научной команды стоит хеттолог Т. ван ден Хаут.

Оба словаря дают в вокабулах развитое лексикографическое описание: грамматический разбор, уточнение нюансов семантики, приведение большого числа фиксаций (или всех в случае редких лексем), цитирование контекстов с переводом и комментарием.

Кроме упомянутых синхронных проектов продолжается издание двух этимологических словарей.

1) Ян Пухвел, *Hittite Etymological Dictionary (HED)*. От *A*- (1984 г.) сейчас дошел до *N*-.

2) Й. Тишлер, *Hethitisches etymologisches Glossar (HEG)*. От *A*- (1977 г.) дошел до *T*-.

Кроме этимологических зон описания, оба словаря имеют весьма развитые зоны синхронного лексикографического описания хеттских лексем (хотя у Тишлера это наблюдается только с тома *L*-), практически не уступающие словарям *NW*² и *CHD*⁸.

В главе представлен словарь-тезаурус глагольных форм и их именных дериватов по текстам, написанным древнехеттским дуктусом, — хеттский аналог общеизвестного словаря древнеиндийских глаголов, составленного В. Д. Витни. Словарь охватывает порядка 270 текстов (с учетом известных джойнов), содержит примерно 300 основ и около 4500 адресаций.

Сложность глагольной морфологии (по сравнению с именной) — отличительная черта индоевропейских языков, и хеттский язык здесь не исключение. Как хорошо знают индологи и индоевропеисты,

⁸ Таким образом, на сегодняшний день актуального лексикографического анализа не имеют хеттские лексемы на *U*-, *W*- и *Z*-.

древнеиндийский глагольный словарь сразу же стал практически настольной книгой лингвиста. Представляется, что и аналогичный хеттский словник окажется так же полезен в синхронных и диахронных исследованиях.

Примеры словарных статей:

ARAI^{hi} ‘подниматься’

Prs.: **3 sg.** *a-ra-a-i* {R. 42 II 10, 43 I 9'}, *a-ra-a-i* {R. 72 + 86 + 87 Rs. 10'}, *a-ra-a[-i* {R. 47 II 5'}, *a-ra[-a-i* {R. 69 II 2'}, **3 pl.** *]a-ri-en-zi* {Omen7 5'}, *a-ri-ja-a[n-zi* {КВо 17.23 Rs. 7'} (или **part.**)

Prt.: **3 sg.** *a-ra-i-iš* {КВо 25.196 3'}, *a-ra-iš* {An. Vs. 12}

Nom.: **subst.verb.** gen. *a-ra-u-wa-aš* {R. 109 III 12}

Deriv. от (2) **ar-**

HANTAI^{mi} ‘расставлять в определенном порядке;
приводить в порядок’

act.

Prs.: **3 sg.** *ha-an-ta-a-iz-zi* {R. 19 Vs. 9}

Nom.: **part.** nom.-acc. sg. n. *ha-an-da-a-an* {R. 109 III 13, 110 II 10, 17, 23, 31, 35, 111 II 5', 8', 12', 119 6', 10'}, *h]a-an-da-a-an* {R. 119 13'}, *ha-an-d[a-a-an* {R. 109 II 13'}, *[ha-a]n-d[a-a-an* {R. 111 III 23'}, *ha-an-[da-a-an* {R. 117 Vs. 3'}, *ha-a[n-da-a-an* {R. 110 II 27'}, *ha-an-da-]a-an* {R. 110 II 3}

med.

Prs.: **3 sg.** *ha-an-da-a-it-ta* {R. 20 + 34 + 35 + 48 III 29'}, *h]a-an-da-a-it-ta* {R. 20 + 34 + 35 + 48 III 41'}, *ha-]an-da-a-it-ta* {R. 32 9'}, *ha-a]n-da-a-it-ta* {R. 33 Vs. 9'}, *ha-an-d[a-a-i]t-ta* {R. 33 Vs. 13'}, *[ha-a]n-*

da-a-i[t-ta {R. 37 Rs. 4'}, *ha-an-d]a-a-it-ta* {R. 12 I 8''}, *ha-an[(-da-a-i)t-ta* {R. 20 + 34 + 35 + 48 III 25'}, *ha-an-d[a-]a-e-it-ta* {R. 31 II 11'}

NAI-^{hi} 'вести, править; поворачивать'

act.

Prs.: **1 sg.** *ne-e-eh[-hu-un* {An. Rs. 52}, **3 sg.** *na-a-i* {R. 20 + 34 + 35 + 48 II 25}

med.

Prs.: **3 sg.** *ne-e-a* {R. 43 I 12'}, *ne-a* {Omen3 Vs. c 2}, **3 pl.** *ne-e-an-da* {R. 12 II 29', 20 + 34 + 35 + 48 II 17}

Nom.: **part.** nom. sg. c. *ne-e-an-za* {R. 27 Rs. 11'}, nom. pl. c. *ne-e-an-te-eš* {R. 27 Rs. 10', 11'}, **part.** или финитная форма *ne-e-a[n<->* {R. 33 Rs. 1'}

Deriv.: **nannai-**, **pennai-**, **unnai-**

По сути, данный словарь (как и его древнеиндийский аналог, составленный В.Д.Витни) является готовой росписью материала, которую в противном случае каждому исследователю хеттской и индоевропейской глагольной морфологии пришлось бы предпринимать самостоятельно. Примером такой работы со словарем может служить наша статья «Связь древнехеттских глаголов на -SK- с двумя индоевропейскими глагольными классами» (Касьян 1997), где данные об архаичном распределении суффикса *-še-* были с легкостью получены из подобного словника.

Также на основе лингвистического и филологического анализа были установлены значения ряда темных хеттских лексем. Примеры:

1. *atteš* (pl.t.) ‘душа, дух’. Ранее эта редкая (2 фиксации) лексема признавалась темной. Корень имеет ясные параллели в анатолийский и других индоевропейских языках: лик. *atra-*, *atla-* ‘person, self’, др.-инд. *ātmán* ‘Hauch, Atem, Lebensgeist’, герм. **ēdma-/ *ǣdma-*, **ēþma-* ‘Hauch, Atem, Luft, Dunst, Wehen’ : и.-е. **ēt-men* (ср. WP, I: 118; Pok.: 345) и греч. ἤτορ ‘heart; the seat of feeling, passion, desire, etc.’, герм. **ēdrjō/ *ǣdrjō*, **ēþrjō/ *ǣþrjō*, ‘vein’ : и.-е. **ēter*, **ōter* ‘Eingeweide’ (WP, I: 117; Pok: 344).

2. *hantezzi* ‘закуски’. Лексема представляет собой форму среднего рода множественного числа от прилагательного ‘первый’. Предполагаемое ранее значение: «деликатесы, лучшее блюдо», что, однако, не соответствует роли этого кушанья в многочисленных описаниях ритуальных трапез. Видимо, мы должны переводить этот термин как ‘блюдо, подаваемое первым’, т. е. ‘закуска’.

3. *kaga-* ‘зуб’. Значение это слова было установлено уже давно, однако очевидной индоевропейской этимологии лексема не имеет (герм. **hakan*, **hōka-* ‘крюк’?). Для и.-е. названия ‘зуба’ (сохранившегося только в хет. *kaga-*) можно предложить ностратические параллели: праалтайское **k’iŋge* ‘нёбо, челюсть’ (п.-тунг. **xūkte* ‘зуб’, п.-тюрк. **Kög-me* ‘десна’, п.-монг. **köye-me* ‘глотка’ и т. д., см. EDAL: 815). В остальных и.-е. языках ‘зуб’ стал обозначаться описательными образованиями: лат. *dens* — букв. ‘едающий’, др.-инд. *jāmbha-s* — букв. ‘пробивающийся сквозь’ и т.п.

Третья глава отведена текстологии.

Подробные и выверенные издания с транслитерацией, переводом, комментариями (палеографическими, текстологическими, лингвистическими и историческими) и историей текста, без сомнения, являются

основой изучения мертвого языка. В случае клинописных языков потребность в таких изданиях дополнительно увеличивается. Автографические или фотографические воспроизведения табличек и их фрагментов разбросаны по множеству публикаций, иметь которые у себя в библиотеке обязан только узкий специалист. Да и сама система письма столь сложна и имеет столько модификаций, что требовать ее досконального знания (т. е. способности читать клинописные тексты в оригинальном виде) от индоевропеиста, семитолога или просто ученого-древника нельзя.

К сожалению, и сегодня иной раз можно встретить научные издания, не являющиеся дипломатическими (с упрощенной транслитерацией), не содержащие разночтений по спискам, с выборочным словарем или же просто по небрежности с ошибками в передаче клинописного текста.

В диссертации приводится полное издание магических ритуалов, составляющих круг хеттских ритуалов с упоминанием колдуньи по имени Циплантавия. Издание состоит из дипломатической (максимально точной и подробной) транслитерации хеттского текста, русского перевода, текстологических и лингвистических комментариев, а также полного словаря. С учетом новейших достижений науки построена методика филолого-лингвистического представления текстовых памятников мертвых языков. Такой подход к текстологическому анализу становится общепризнанным для современной науки.

Пример транслитерации, перевода и комментария:

КВо 15.10 + КВо 20.42 Vs. I

35. *A-NA BE-LÍ-ma DAM-ŠU DUMU^{MEŠ}-ŠU TI-tar ha-aš-t[i-li-ja-tar
]ma-ja-an-da-tar*
36. *pí-iš-kán-du nu-uš-ši DINGIR^{MEŠ.HI.A} GIŠ[TUK]UL pa-^{ra}-a ni-e¹-an-
ta-an pí-an-du*
37. *[nu-z]a ha-a-aš-šu-uš ha-an-za-aš-šu-uš k[a]r-ap-du nu-za-kán KUR-
e ha-aš-ši-ik-du*
35. Господину же <с> женой его <и> сыновьями его жизнь, си[лу] <и>
зрелость
36. пусть они (*m.e.* боги) дадут! И ему боги ор[уж]ие, вперед на-
правленное, пусть дадут!
37. [И се]бе внуков <и> правнуков пусть возвысит! И себе страну
пусть насытит!».

I 35—37. Строки параллельны III 35'—38' (см. комм.). Также строки 35—36 параллельны II 34—35. Формула ^{GIŠ}TUKUL(-ŠU) *pa-ra-a ni-e-an-za* ‘оружие, вперед направленное’ (т. е. ‘готовое к бою’) повторяется в II 6.

Основа *haštijadar* — фонетический вариант более частого *haštališadar/haštarišadar* ‘power, heroism, courage’, произведенного в конечном итоге от основы *haštai-* (ср. цитируемые в Neu 1974 *ha-aš-ti-li-j[a-* KUB 44.56 Rs. 10 и *ha-aš-te-li-ja-an* КВо 19.114 17'; также см. HED, III: 235—236).

В стк. I 35, видимо, нужно читать *ha-aš-t[i-li-ja-tar* ^L]^U*ma-ja-an-da-tar*.

(LÚ) *majantadar* — ‘зрелость’. Несколько иной перевод в CHD, L—N: 118: ‘young adulthood, youth, youthful vigor’, ср. в HW: 132 ‘Mannesalter, Manneskraft’.

В стк. I 36 необходимо отметить двойное обозначение мн. ч. при шумерограмме: DINGIR^{MEŠ.HI.A}.

В стк. I 37 [*nu-z*]a *ha-a-aš-šu-uš ha-an-za-aš-šu-uš k[a]r-ap-du* ‘Пусть возвысит своих внуков и правнуков!’ — см. в Neu 1974 и HED, IV: 91 слл. еще примеры на это стандартное благопожелание *-za haššuš hanzaššuš karp-*.

Фрагмент словаря:

ašanu- (mi) ‘упорядочивать’

-ŠK-

Imv. pl. 2 *aš-ša-nu-ut-te-en* KBo 20.34 Rs. 9'

ašadar (r/n) n. ‘сидение’

Sg. gen. *a-ša-an-na-aš* I 10

Основа в композите *a-aš-na-^o* — см. **ašannadejavar**

-ašta фразовая частица

qa-a-ša-aš-ma-aš-ta (< **qa-a-ša-aš-ma-ša-aš-ta*: + *kaša* + *šmaš¹*)

II 43

na-aš-ta (+ *nu*)

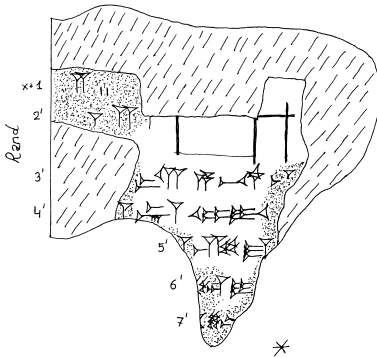
II 59'

Во второй части главы впервые вводятся в научный оборот результаты разысканий в клинописной коллекции Государственного Эрмитажа: в запасниках музея среди неатрибуированных табличек были найдены и идентифицированы 13 из 14 известных в России на

начало XX века хеттских фрагментов. Приводятся их инвентарные номера, автографии и транслитерация.

Один из фрагментов: **Ermitage 15597.**

Черная глина, односторонний, левый край таблички. Мелкий почерк; необычная процарапанная фигура, обтекаемая текстом. Гадание?

3'. ...-]iš A-NA x[...

4'. ...-]x-kán mi-i-u[?][-...

5'. ...]x-zi-ma[...

6'. ...]li-i[...

7'. ...]x-in[...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной работе был рассмотрен ряд орфографических, грамматических и семантических явлений хеттского языка, а также осуществлено дипломатическое издание нескольких хеттских памятников.

Кроме конкретных результатов, касающихся анатолийского языкознания (например, показано, что *scriptio plene* отражает фонетическую сущность, начальные консонантные кластеры строго делятся на две группы по своему фонетическому развитию и графическому оформлению, а вариативность знаков U и Ú — графический феномен), приведенные в Главе 1 аргументация и выводы могут быть полезны для типологии клинописных систем письма вообще. Глава имеет методологическое значение, т. к. в ней демонстрируются общие методы лингвистического анализа языка, известного нам только по письменным памятникам.

Глава 2 имеет значение для общей теории лексикографии языков с замкнутым корпусом. Приведенный в главе материал может иметь значение как для хеттологов-языковедов, так и для индоевропейцев вообще.

В Главе 3 вводится в научный оборот новый материал: хеттские фрагменты из клинописной коллекции Государственного Эрмитажа, а также дается образцовое издание одного хеттского текста.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии:

A. Kassian. Two Middle Hittite Rituals Mentioning f.Ziplantawija. Moscow: Paleograph, 2000 (184 pp.). 11,5 п.л. [на англ. яз.]

A. Kassian, A. Korolev, A. Sidel'isev. Hittite Funerary Ritual. Muenster, 2002 (ix + 973 pp.). 61,5 п.л. [на англ. яз.]

Статьи:

А. Касьян. Хет. *eshar* ~ *ishanas*: К фонетической интерпретации // Индоевропейское языкознание и классическая филология. III. СПб: Наука, 1999. С. 42—44.

А. Касьян. Данные хеттского языка и и.-е. акцентология. Именные основы // Индоевропейское языкознание и классическая филология. IV / Ред. Н.Н.Казанский. СПб., 2000. С. 44-50. 0,4 п.л.

A. Kassian, I. Yakubovich. The Reflexes of Indo-European *#CR-Clusters in Hittite // Journal of Indo-European Studies. Monograph 40. Proceedings of the Twelfth Annual UCLA Indo-European Conference. Washington: Institute for the Study of Man, 2001. P. 29—49. 1,25 п.л. [на англ. яз.]

А. Касьян. Фонема /o/ в хеттском языке? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. X / Ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2006. С. 114-123. 0,8 п.л.

А. Касьян. Связь древнехеттских глаголов на -SK- с двумя индоевропейскими глагольными классами // Studia Linguarum. М., 1997. С. 15—20. 0,25 п.л.

А. Касьян. Др.-инд. *caste* 'sehen', °*kaca-h* 'Schein, hell', °*kaca-h* 'freier Platz' // Studia Linguarum 2. М., 1999 [2000]. С. 276—280. 0,25 п.л.

А. Касьян. Хеттское *ispant-* ~ *sipant-* 'жертвовать': к фонетической интерпретации // Colloquia Classica et Indo-Europeica II: Классическая филология и индоевропейское языкознание / Ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2000. С. 37—39. 0,2 п.л.

A. Kassian, I. Yakubovich. The Reflexes of IE Initial Clusters in Hittite // Anatolian Languages / Ed. V. Shevoroshkin and P. Sidwell. Canberra,

2002 (AHL Studies in the Science and History of Language 6). P. 10—48.
2,5 п.л. [на англ. яз.]

A. Kassian. Indo-European Accentology and Hittite Data: Nomina // Anatolian Languages / Ed. V. Shevoroshkin and P. Sidwell. Canberra, 2002 (AHL Studies in the Science and History of Language 6). P. 49—60. 0,8 п.л. [на англ. яз.]

A. Kassian. Glossary of Verbal Forms and Derivatives (from Published Old Hittite Texts) // Anatolian Languages / Ed. V. Shevoroshkin and P. Sidwell. Canberra, 2002 (AHL Studies in the Science and History of Language 6). P. 72—136. 4 п.л. [на англ. яз.]

A. Kassian. More about Hittite LU.MES.MUHALDIM hantezzi tijanzi // Studia Linguarum 3 / Ed. A. Kassian and A. Sidel'tsev. Moscow, 2002. P. 11—20. 0,6 п.л. [на англ. яз.]

A. Kassian, I. Yakubovich. D.UTU-AS in Hittite Texts // Sarnikzel. Hethitologische Studien zum Gedenken an Emil Orgetorix Forrer / Ed. D. Groddek. Muenster, 2003 (= DBH / Dresdner Beitræge zur Hethitologie 10). S. 395-407. 0,9 п.л. [на англ. яз.]

A. Kassian. Hittite Fragments of the State Hermitage Museum (St. Petersburg) // Journal of Cuneiform Studies 58, 2006. Pp. 137—138. 0,2 п.л. [на англ. яз.]

A. Kassian, I. Yakubovich. Muršili II's Prayer to Telibinu // Tabularia Hethaeorum: hethitologische Beitræge Silvin Košak zum 65th Geburtstag / Ed. D. Groddek and M. Zorman (= DBH / Dresdner Beitræge zur Hethitologie 25). Wiesbaden, 2007. P. 423—54. 1,8 п.л. [на англ. яз.]